

Тиана Ким

Сердце из камня. Точка опоры

<https://litres.ru/74560343>

Аннотация

Они поженились в августе. Он — закрытый, властный архитектор с израненным прошлым. Она — дерзкая студентка, бросившая камень в его макет и попавшая в самое сердце. Казалось, все испытания позади: враги разоблачены, кольца на пальцах, счастье — вот оно, на ладони.

Но у прошлого длинные тени. Медовый месяц заканчивается, когда кто-то взламывает бюро Эрика и похищает чертежи нового тендера. За ударом следует новый: анонимки, статьи в прессе, обвинения в плагиате. Враг, семь лет прятавшийся в тени, выходит на охоту — и его цель не сам Эрик, а та, кто стала его слабостью. Лина.

Теперь Лине предстоит доказать, что она не просто «жена архитектора». Что она — профессионал, способный защитить своё имя и свой проект. А Эрику — научиться доверять, даже когда инстинкты кричат: «Спрячь её, закрой, контролируй».

Но самый неожиданный поворот ждёт их не на поле боя. Две полоски на тесте меняют всё. Эрик, который семь лет прятал руки в перчатках, боясь прикосновений, должен стать отцом. Лина, которая поклялась никогда не повторять судьбу матери, — научиться быть не только архитектором, но и матерью.

И когда война достигает кульминации, когда на кону — жизнь и свобода, они понимают: единственное, что нельзя потерять, — это точка опоры. Их семья.

Продолжение романа «Сердце из камня. Линия разлома». История о том, что после «долго и счастливо» начинается самое трудное. И самое важное.

Первая книга:

Содержание

Глава 1. Мой дом	5
Визуал к главе 1	14
Глава 2. Приземление	15
Глава 4. Бюро	24
Глава 3. Чужая квартира	32
Глава 5. Тени	42
Глава 6. Кофе и чай	53
Глава 7. Пиар-отдел	59
Глава 8. Перчатки	66
Глава 9. Архитектурный совет	75
Глава 10. Допрос	86
Глава 11. Круг	94
Глава 12. Письмо	101
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Глава 1. Мой дом

POV: Лина

Тишина здесь была другой. Не той, что стоит в пустой аудитории после экзамена, и не той, что повисает в напряжённом зале перед объявлением победителя тендера. Эта тишина была живой, наполненной далёким плеском Влтавы, едва уловимым дыханием Эрика и тихим, только-только начавшим пробуждаться городом.

Я стояла на Карловом мосту и чувствовала, как холод сентябрьского утра подбирается под тонкую ткань платья. Но даже он не мог заставить меня пошевелиться. Я застыла, вцепившись пальцами в древний камень перил, и смотрела на Прагу, расстилавшуюся передо мной золотисто-охристой сказкой.

Неделя. Целая неделя, когда не было ни бюро, ни Марка с его вечной кружкой растворимого кофе, ни косых взглядов, ни строгих чертежей. Только мы вдвоём. Вдвоём... Теперь это слово звучало иначе. Не как временное состояние, а как константа. Как закон, который мы сами для себя установили.

Я скосила взгляд влево. Эрик стоял рядом, положив ши-

рокие ладони на шершавый камень. Без перчаток. Я до сих пор не могла привыкнуть к этому зрелищу. К его рукам — сильным, с тонкой сеткой побелевших шрамов, с длинными пальцами, которые ещё вчера перебирали мои волосы. Он смотрел на реку, и в его серых глазах отражалось небо — такое же предрассветное, дымчато-серое, обещающее ясный день.

— Ты не замёрзла? — спросил он, не поворачиваясь. Голос низкий, с лёгкой утренней хрипотцой. Я отрицательно покачала головой, хотя пальцы уже онемели. Я боялась спугнуть этот момент. Мне казалось, стоит произнести хоть слово — и магия рассеется, мы снова станем архитектором Ван дер Меером и его стажёркой, а не просто Эриком и Линой, которые сбежали от всего мира в город шпилей и мостов.

— Ты обещал, что мы просто гуляем, — напомнила я. — А сам поднял меня в такую рань, будто у нас снова планёрка.

— У нас и есть планёрка, — он наконец повернулся ко мне. В уголках его губ пряталась та самая улыбка, которую я за всю первую книгу видела от силы пару раз. — Самая важная в моей жизни.

— Да? И какой же пункт в повестке?

Он не ответил. Вместо этого он взял меня за руку — ту самую, что сжимала молоток отца, ту самую, что чертила до крови пальцы, — и повёл меня за собой. Мы сошли с моста и нырнули в лабиринт узких улочек Малой Страны. Булыжники были влажными от ночного тумана. Где-то вдалеке звонил колокол.

Маленькая церковь Святого Микулаша встретила нас запахом ладана и воска. Внутри было пусто — только мы и священник, старый чех в очках с толстыми стёклами. Он улыбнулся нам, будто ждал. Я вопросительно посмотрела на Эрика, но его лицо было непроницаемым. Только глаза... в них плясало то самое выражение, которое я видела, когда он впервые показал мне свой «Луч». Азарт. Трепет. Счастье.

— Мы уже расписаны, — тихо сказал он мне, пока священник готовил что-то у алтаря. — По закону. В ЗАГСе. Но я подумал... есть вещи, которые важнее закона.

— Эрик, — я начинала догадываться. Сердце забилось где-то в горле. — Что ты задумал?

— Я хочу, чтобы у нас было благословение, — он смотрел мне прямо в глаза. — Не чиновников. Не комиссий. Я хочу, чтобы мы пообещали это друг другу. Здесь. Вдвоём. Без суеты. Без свидетелей, которые смотрят на тебя как на

охотницу за деньгами.

Я вздрогнула. Он знал. Конечно, он знал. Он всегда всё знал — все пересуды, все заголовки в жёлтой прессе, все «случайные» вопросы на форумах. Но никогда не говорил об этом.

Священник заговорил по-чешски, мешая слова с латынью. Я не понимала ни слова, но смысл угадывался сердцем. Он говорил о любви, которая долготерпит и милосердствует. О пути, который мы выбираем. О том, что Бог соединяет там, где люди пытаются разлучить.

А потом Эрик взял мою вторую руку. Мы стояли лицом друг к другу в пустом храме, и свечи отбрасывали на его лицо золотистые тени. Я видела каждую морщинку у глаз, каждую складку у губ. Моего мужа. Моего невероятного, сложного, закрытого мужа, который семь лет прятал руки в перчатки, а теперь стоит передо мной, открытый и беззащитный.

— Я не умею говорить красиво, — начал он, и его голос дрогнул. — Я умею строить. Я всю жизнь думал, что дом — это расчёт. Это фундамент, балки, перекрытия. Но ты показала мне, что дом — это когда есть куда возвращаться.

Он помолчал. Сглотнул. Я видела, как тяжело ему даются эти слова — человеку, который привык всё в себе держать за бетонной стеной контроля.

— Когда рухнул «Горизонт», я умер вместе с теми людьми. Я дышал, работал, но внутри была пустота. Котлован. А ты... ты залила этот котлован фундаментом. Ты ворвалась в мою жизнь, как ураган, бросила в меня этот проклятый камень и даже не представляла, что попала в цель.

— Это был не камень, — прошептала я. — Это был кусок твоего «Кристалла». Я разбила макет.

— Тем более, — он усмехнулся. — Теперь у меня есть дом. Ты — мой дом.

Священник закончил молитву и выжидательно посмотрел на нас. Эрик развернул меня к алтарю и положил руку на мою ладонь.

— Лина Морозова... — начал он и осёкся. — Нет, Ван дер Меер. Ты согласна делить со мной всё? Чертежи, ночные кошмары, падения и взлёты?

— Согласна.

— Ты согласна терпеть мой характер, моё ворчание и то, что я буду пить кофе ровно шестьдесят пять градусов до конца наших дней?

— Согласна, — я рассмеялась сквозь слёзы.

— А я... — он сжал мои пальцы. — Я, Эрик Ван дер Меер, обещаю тебе, что больше никогда не буду решать за тебя. Что сниму перед тобой все замки. Что буду держать тебя за руку, даже если весь мир пойдёт трещинами.

Священник произнёс последние слова. В церкви повисла глубокая, наполненная благодатью тишина. Эрик притянул меня к себе и поцеловал. Не так, как целовал в первый раз — с отчаянием и голодом. А мягко, уверенно, будто ставил подпись на самом важном в жизни проекте.

Всё было идеально. Момент абсолютного, невысказанного счастья.

И именно в этот момент, когда его губы всё ещё касались моих, в тишине раздался резкий, вибрирующий сигнал телефона. Эрик недовольно поморщился и потянулся к карману пиджака. В утренней тишине храма звук казался кошмаром.

— Марк, — бросил он мне, взглянув на экран. — Я же говорил, чтобы не беспокоили.

Он сбросил звонок. Но через секунду телефон зажужжал снова. Священник укоризненно покачал головой, но в его глазах была мудрость — он знал, что от мира не убежишь.

Эрик раздражённо прижал трубку к уху.

— Да. У нас... да, я понимаю, что понедельник. Что?!

Я видела, как меняется его лицо. За секунду из счастливого, расслабленного мужчины он превратился в того самого собранного, жёсткого архитектора, которого я встретила в первый день в бюро. Скулы заострились, желваки заиграли на щеках, серые глаза стали холодной сталью.

— Когда? — отрывисто спросил он. — Что взяли?

Я замерла, всё ещё держа его за руку, но уже чувствуя, как между нами прорастает та самая стена. Нет, только не это. Только не сейчас.

Он слушал Марка около минуты, ни разу не перебив. Только костяшки пальцев, сжимающих телефон, побелели от напряжения. Наконец он глухо произнёс:

— Мы вылетаем ближайшим рейсом. Готовь документы.

И нажал отбой.

— Эрик? — тихо позвала я.

Он поднял на меня взгляд — и на мгновение я увидела там страх. Тот самый, глубинный, который жил в нём с той самой ночи, когда рухнули балки «Горизонта». Но он тут же спрятал его за привычной маской контроля.

— Бюро взломали, — сказал он сухо. — Профессионально. Ничего не взяли, кроме одной папки.

— Какой? — у меня перехватило дыхание.

— Тендерной документации на новый квартал. Кто-то знал, что искать.

Он отпустил мои руки и потёр переносицу — жест крайней усталости. Наши свечи у алтаря всё ещё горели, но их свет больше не казался тёплым. За стенами церкви просыпалась чужая страна, а мы стояли посреди неё, и счастье, только что бывшее осязаемым, таяло на глазах, как дым.

Я смотрела на Эрика и вдруг поняла: что-то надломилось. Не в нас — пока нет. Но где-то снаружи, в мире, который мы ненадолго покинули, уже расползалась трещина.

Священник что-то тихо спросил у Эрика по-чешски. Тот покачал головой.

— Promiňte, — сказал он. — Извините. Нам пора.

Я бросила последний взгляд на алтарь. На статуи святых, смотревших на нас с немим сочувствием. Где-то глубоко внутри меня, под слоями ещё не остывшей радости, зарождалось холодное, липкое чувство тревоги. Будто эхо наших клятв ещё не затихло под сводами, а судьба уже приготовила первую проверку.

— Нам нужно домой, Лина, — сказал Эрик, и я вздрогнула, услышав, как изменился его голос. — Медовый месяц окончен. Кто-то объявил войну.

Визуал к главе 1

Глава 2. Приземление

POV: Эрик

Питер встретил нас свинцовым небом. Не просто серым — именно свинцовым, тяжелым, давящим на плечи. После прозрачной, будто прорисованной тушью, пражской лазури оно ощущалось как пощечина. Как напоминание: хватит летать, приземляйся. Твоя стихия — бетон, холод и вечная борьба.

Самолет коснулся полосы с мягким толчком, но внутри у меня всё сжалось, будто шасси ударились не о прорезиненный асфальт, а о монолитную скалу. Я смотрел в иллюминатор на серую морось, стекающую по стеклу, и пытался поймать ускользающее ощущение покоя, которое ещё сегодня утром наполняло меня изнутри. Оно таяло, вытекало с каждой пройденной на запад милей, оставляя после себя знакомую пустоту. Рабочую пустоту. Ту, в которой нет места эмоциям, а есть только анализ, факты и план действий.

Лина спала. В самолете она откинулась на спинку кресла, едва мы набрали высоту, и проспала все два с половиной часа. Я смотрел на неё и пытался понять, как ей это удастся. Моя жена... звучит до сих пор странно и остро. Моя жена —

со взъерошенными рыжими волосами, которые выбились из вечного небрежного пучка, с беззащитно приоткрытыми губами и тенью усталости под глазами — спала сном праведницы перед бурей.

Я поправил плед, сползший с её плеча. Коснулся пальцами её щеки — кожа была теплой, мягкой. На безымянном пальце тускло блеснуло золото обручального кольца. Её кольцо. Моя метка.

«Теперь у меня есть дом», — сказал я ей на рассвете.

Идиот. Сентиментальный идиот.

Дом — это не то, о чем кричат на мостах. Это то, что защищают молча. До последнего.

— Господин Ван дер Меер? — стюардесса уже стояла в проходе с дежурной улыбкой. — Вас ожидают у трапа.

Я кивнул, не удостоив её взглядом. Марк. Конечно, Марк. Он единственный, кому я мог доверить встречу.

Лина проснулась, только когда я легонько сжал её ладонь:

— Просыпайся, архитектор Морозова. Мы на месте.

Она вздрогнула, мгновенно распахнув свои зеленющие глазищи. В них плеснулся короткий испуг — наследие тех дней, когда любой звонок мог означать катастрофу. Но, увидев меня, она тут же расслабилась.

— Уже? Я думала, ещё лететь и лететь.

— Уже, — я помог ей подняться. — Нас ждут.

Мы спустились по трапу в серую промозглую хмарь питерского утра. Ветер с залива рванул полы моего пальто, бросил в лицо мелкую водяную пыль. Вкус соли и металла. Вкус реальности.

Марк стоял у черного «Мерседеса», подняв воротник плаща. Выглядел он паршиво. Щетина дня в три, красные от недосыпа глаза, в руке — неизменная кружка с кофе, но сегодня он не отхлебывал из неё, а просто держал, будто забыв о её существовании.

— С возвращением, — бросил он вместо приветствия. Голос был глухим, без обычной иронии.

— Докладывай, — я открыл дверцу перед Линой, пропуская её в тепло салона, и только потом повернулся к Марку.

— Взлом был точечным, — начал он, понижая голос, чтобы Лина, уже сидевшая в машине, не слышала. — Сигнализация отключена профессионально, код доступа к твоему кабинету введен с первой попытки. Не подбор. Кто-то знал цифры.

— Кто?

— Список тех, кто имел доступ, у тебя перед глазами. Я, ты, Лина, начальник охраны... и всё. Охрана чистая — я их проверил лично. В кабинете перерыли не всё, Эрик. Открыли сейф, достали папку с документами по тендеру «Северная пальмира», и ушли. Чертежи, сметы, расчеты. Всё, что мы готовили для комиссии.

Я молчал, переваривая информацию. В груди разрастался ледяной ком. «Северная пальмира» — проект, который мог вывести бюро на принципиально новый уровень. Реновация целого квартала исторической застройки. Мы бились за этот тендер полгода. И теперь кто-то слил информацию.

— Есть мысли? — спросил Марк, вглядываясь в мое лицо.

— Ты сам знаешь, — ответил я. — Игорь.

— Нет доказательств. Ни единой зацепки. Профессионалы сработали чисто. Я поднял записи с камер... угадай, что?

— Камеры были отключены за десять минут до взлома.

— Именно.

Я сжал кулаки. Внутренним зрением я видел его лицо — холеное, надменное, с вечной усмешкой на тонких губах. Игорь, председатель архитектурной комиссии. Человек, который когда-то работал с Кристианом, а теперь, когда тот за решеткой, видимо, решил продолжить их общее «дело». Он никогда не простил мне того, что я выжил после «Горизонта». Что не сломался. Что отстроил бюро с нуля. А теперь... теперь у него появилась новая мишень.

Я посмотрел на машину. Сквозь тонированное стекло был виден силуэт Лины — она сидела, откинувшись на подголовник, и смотрела в окно на серое небо.

— Лине — ни слова о подозрениях, — резко бросил я Марку.

— Что? — он даже поперхнулся. — Эрик, это касается и её тоже. Она твоя жена, она архитектор бюро, она имеет право...

— Она имеет право на покой, — оборвал я. — Она только перестала вздрагивать от каждого шороха. Ты помнишь, что было весной? Слежка, анонимки, травля в прессе. Я не верну её в этот ад. Она будет думать, что это мелкая кража. Никакой войны. Понял?

Марк долго смотрел на меня. В его взгляде читалось несогласие, но он был достаточно умен, чтобы не спорить со мной в таком состоянии.

— Как знаешь, — сказал он наконец. — Но ложь... она имеет свойство всплывать, Эрик.

— Это не ложь. Это защита. Садись за руль, поехали в бюро.

Мы сели в машину. Я занял место рядом с Линой, взял её руку в свою. Она переплела свои пальцы с моими и благодарно улыбнулась. Теплая. Живая. Моя.

— Всё в порядке? — спросила она, заглядывая мне в глаза.

— В порядке, — я поцеловал её в висок. — Рабочие моменты. Мелкое хулиганство. Марк раздул из мухи слона, как

обычно.

— Эй! — возмутился Марк с переднего сиденья.

— Следи за дорогой.

Машина мягко тронулась. За окном поплыл унылый пейзаж Пулковского шоссе — голые деревья, серые многоэтажки спальных районов. Питер в начале сентября особенно тосклив. Он будто напоминает, что лето — лишь короткая авантюра, а настоящая жизнь — это промозглая хмарь и вечная борьба с дождем.

Я смотрел на жену и чувствовал, как внутри меня снова вырастает стена. Та самая. Которую я только начал разбирать. Кирпич за кирпичом, блок за блоком. Я обещал ей в Праге, что больше не буду прятаться за ней. Обещал перед алтарем.

Но это было обещание, данное в мире, где нет Игоря. Где нет краденых чертежей и выключенных камер. В мире, который мы придумали себе на семь дней.

Реальность была другой.

В реальности мой враг снова нанес удар. И он целился не в

меня — в неё. Потому что я, дурак, показал всему миру свое слабое место. Я женился на ней. Я вывел её на свет. И теперь, если для того, чтобы защитить её, мне придется снова стать той бесчувственной скалой, которой я был до встречи с ней, — я стану.

Лина — мой дом. А дом не должен знать, что по его стенам пошли трещины. Дом должен верить, что он — крепость.

— Эрик, — тихо позвала она. — Ты точно ничего не скрываешь?

Я посмотрел в её зеленые глаза — глаза, которые видели меня насквозь. И соврал.

— Абсолютно точно. Всё хорошо.

Она поверила. Прижалась к моему плечу и снова закрыла глаза. А я смотрел в окно, сжимая её пальцы в своей ладони, и считал про себя этажи пролетающих мимо домов. Старая привычка. Двадцать два. Девять. Пять. Четырнадцать.

Нет, я не обманывал её. Я просто откладывал правду. До того момента, пока не разберусь сам. Пока не выясню, кто предатель. Пока не прижму Игоря к стенке с фактами в руках.

А до тех пор... до тех пор она будет думать, что медовый месяц просто закончился. Не зная, что он разбился.

Как «Горизонт» семь лет назад.

Глава 4. Бюро

POV: Лина

Утро понедельника. Мой первый день в бюро в новом статусе.

Я стояла перед зеркалом в прихожей и придирчиво разглядывала себя. Тёмно-синее платье с белым воротничком — то самое, в котором я когда-то пришла на собеседование. Единственное приличное платье на тот момент. Теперь у меня их три, но это всё равно любимое. Боевое. Отец говорил: «Иди в бой в том, что приносит удачу».

Только сегодня это не бой. Сегодня — первый рабочий день после медового месяца. Первый день, когда я переступлю порог бюро не как стажёрка, а как младший архитектор. И жена владельца.

От одной мысли об этом сводило скулы.

— Ты готова? — Эрик появился в дверях спальни. Чёрная водолазка, чёрные брюки, идеально выбритые скулы. Ни намёка на усталость, хотя я знала, что он полночи не спал — сидел в кабинете, что-то печатал на ноутбуке.

— Почти, — я поправила пучок. Одна прядь, как всегда, выбилась и упала на висок. — Как я выгляжу?

Он подошёл ближе, положил руки мне на плечи и посмотрел в зеркало на наше отражение.

— Как архитектор, — сказал он. — Злой и голодный до работы. Идеально.

— Я не злая.

— Значит, недостаточно голодная. Поехали.

Бюро встретило нас привычным гулом. Открытый опенспейс на втором этаже особняка на Фонтанке, высокие потолки, панорамные окна, длинные ряды кульманов и компьютеров. Запах бумаги, картриджей и свежесваренного кофе. Мой запах. Запах дела.

Но что-то изменилось.

Я почувствовала это сразу, едва мы вошли. Разговоры не смолкли, нет — но стали тише, осторожнее. Кто-то бросил на меня быстрый взгляд и тут же уткнулся в монитор. Кто-то слишком поспешно поздоровался и скрылся за стеллажом

с документацией. А молоденькая практикантка, которую я помнила ещё с весны, вообще сделала вид, что не заметила меня.

— Доброе утро, Лина Андреевна! — громогласно поприветствовал меня Марк, выныривая из своего кабинетика с неизменной кружкой в руке. — С возвращением в джунгли. Как Прага?

— Волшебно, — ответила я, благодарная ему за эту демонстративную нормальность. — Жаль, что коротко.

— Ничего, наверстаете. Эрик, тебя ждут в переговорной через пятнадцать минут.

— Помню, — бросил он и, коротко сжав мою ладонь, ушёл в сторону своего кабинета.

Я осталась одна посреди опенспейса. Как новенькая в школе. Как... чужая.

Моё рабочее место было там же, где и раньше — в дальнем углу, у окна, выходящего во внутренний двор. Я прошла к нему, ловя по пути обрывки разговоров.

«...говорят, она теперь совладелица...»

«...конечно, совладелица. Вышла за босса — теперь можно вообще не работать...»

«...а ты видела, какие на ней туфли? В секонде таких не продают. Видно, Эрик раскошелится...»

Я стиснула зубы и села за стол. На мониторе — стикер, приклеенный кем-то из коллег: «Поздравляем с повышением!» И ниже — приписка другим почерком, поспешно зачёркнутая, но всё ещё читаемая: «...в постели».

Значит, вот как. Не архитектор, заслужившая место в штате. Не автор «Луча», не победительница конкурса «Собора». Жена босса. Охотница за деньгами. Лифтёрша на служебном лифте.

Я отклеила стикер, скомкала и бросила в корзину. Руки дрожали от ярости, но я не собиралась показывать это. Не дождутся.

— Лина? Привет.

Я обернулась. Передо мной стояла женщина, которой я раньше не видела. Высокая, стройная, с идеальной стрижкой каре цвета мёда. Безупречный брючный костюм, туфли на

шпильках, на запястье — тяжёлый золотой браслет. Ей было лет тридцать три — тридцать пять, и она выглядела так, будто только что сошла с обложки делового журнала.

— Я Александра, — она протянула мне руку. — Новый глава пиар-отдела. Нас не представили — вы были в отъезде.

— Лина, — я пожала её ладонь. Рукопожатие было крепким, уверенным. — Рада познакомиться.

— Взаимно, — она улыбнулась. Улыбка была профессиональной — ровно настолько тёплая, чтобы не выглядеть холодной, и ровно настолько сдержанная, чтобы не выглядеть фальшивой. — Эрик много о вас рассказывал.

— Правда? И что же?

— Что вы талантливы. И дерзки. — Она облокотилась о край моего стола, и я уловила аромат её духов — что-то цитрусовое, дорогое. — Знаете, я ведь работала с Кристианом. Три года назад, в Лондоне. Он тоже был дерзким. Но ему не хватало... морального компаса, скажем так.

Я напряглась. Кристиан. Опять. Он тянулся за мной как тень, хотя сидел за решёткой.

— Вы были с ним знакомы лично? — спросила я ровно.

— О да. Крис был... сложным человеком. Обаятельным, но сложным. Эрик, наверное, рассказывал вам о нём.

— Кое-что.

— Ну, — она легко усмехнулась, — я знаю больше. Если захотите как-нибудь выпить кофе и поболтать — я в триста четвёртом кабинете. Добро пожаловать в команду, Лина.

Она развернулась и пошла прочь. Я смотрела ей вслед и чувствовала, как внутри зарождается непонятная тревога. Что-то в этой женщине меня настораживало. Не враждебность, нет. Но... осведомлённость. Она говорила об Эрике и Кристиане так, будто имела право. Будто стояла когда-то рядом с ними. Будто знала то, чего не знаю я.

И ещё — она назвала Кристиана «Крис». Так называют только близких.

Я тряхнула головой. Хватит. Хватит подозревать всех подряд. Может быть, она просто профессионал. Может быть, её манера общения — часть пиар-работы. Я не могу превращаться в параноика только потому, что мой муж что-то скрывает.

Я включила компьютер и открыла почту. Двадцать семь непрочитанных писем. Приглашения на совещания, запросы от смежников, какие-то циркуляры от секретариата. И одно письмо без подписи, отправленное с анонимного адреса.

«Поздравляю с замужеством. Надеюсь, ты знаешь, за кого вышла. Потому что он — знает. И молчит. Спроси его о 12 апреля 2018 года».

Кровь отлила от лица. Я перечитала сообщение трижды. 12 апреля 2018. Дата на фотографии. Та самая, которую я нашла вчера в кабинете Эрика. Кто-то ещё знает. Кто-то в этом здании. Кто-то, кто хочет, чтобы я начала копать.

Я медленно подняла глаза и обвела взглядом опенспейс. Дизайнеры склонились над планшетами. Инженеры обсуждали что-то у кофе-машины. В дальнем углу Марк что-то толковывал практиканту. Александра стояла у входа в переговорную, оживлённо беседуя с Эриком. Они стояли близко — чуть ближе, чем требовала деловая дистанция. Она положила руку ему на предплечье, рассмеялась какой-то его реплике. Он не отдёргнул руку.

Я смотрела на них и чувствовала, как внутри закипает ревность. Глупая, иррациональная, неуместная — но жгу-

чая. Они общались легко, на равных, с той небрежной фамиллярностью, которая бывает только между людьми с общей историей.

Что их связывает?

Эрик поднял голову, будто почувствовал мой взгляд. Наши глаза встретились через весь зал. Он едва заметно улыбнулся — и отвернулся. А Александра проследила за его взглядом и посмотрела прямо на меня.

И улыбнулась. Иначе, чем мне. Будто говоря: «Я знаю то, чего не знаешь ты. И это даёт мне власть».

Я опустила глаза к экрану. Анонимное письмо всё ещё висело передо мной. Я выделила его и нажала «удалить». Но слова уже впечатались в память.

«Спроси его о 12 апреля 2018 года».

Я спрошу. Обязательно. Но сначала — я сама найду ответы. Потому что если я чему-то и научилась за этот год, так это тому, что правду мне никто не подарит на блюдечке. За правду нужно драться.

И я собиралась драться.

Глава 3. Чужая квартира

POV: Лина

Квартира встретила нас тишиной. Той самой идеальной, стерильной тишиной, от которой я отвыкла за неделю в Праге. Там в нашем номере с видом на красные черепичные крыши постоянно что-то звучало: далёкий звон трамвая, обрывки чешской речи с улицы, смех туристов, скрип старых половиц под ногами. Жизнь. Настоящая, дышащая жизнь.

Здесь было иначе.

Я стояла посреди гостиной с чемоданом в руке и чувствовала себя... гостьей. Нет, неправильное слово. Интервенткой. Человеком, который вторгся на чужую территорию и пытается сделать вид, что имеет на это право.

Кожанный диван — Эрик купил его в Милане, кажется, ещё до «Горизонта». Стекланный журнальный столик, на котором не было ни единого отпечатка пальцев. Книжные полки, заставленные альбомами по архитектуре, томами Палладио и Ле Корбюзье. Рояль в углу — чёрный, блестящий, как панцирь жука. Тот самый, за которым я впервые увидела его без перчаток.

Всё это было его. Только его. Семь лет одиночества, запечатанные в четырёх стенах на Петроградской стороне.

— Ты чего застыла? — Эрик опустил мой второй чемодан на пол. — Проходи. Ты теперь здесь живёшь.

«Живёшь». Не «гостишь». Живёшь. Я заставила себя сделать шаг. Потом ещё один. Мои каблуки простучали по паркету гулко и чуждо, будто отмечая вторжение.

— Я распакую вещи, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал бодро. — А ты, наверное, хочешь поехать в бюро? Марк, кажется, ждёт.

— Да, — он потёр шею. — Нужно разобраться с документами. Это ненадолго. К вечеру вернусь.

Он поцеловал меня в лоб — быстро, почти формально — и вышел. Дверь закрылась с мягким щелчком. Я осталась одна.

Тишина навалилась сразу. Она была не просто отсутствием звука — она была субстанцией. Густой, вязкой, пропитанной одиночеством Эрика. Я вдруг поняла, что он жил здесь семь лет один. Семь лет возвращался в эту идеально-пустую

квартиру, пил свой кофе ровно 65 градусов, играл Шопена, ложился спать и просыпался в 5:30. И никого рядом.

Как он выжил?

Я взяла чемодан и пошла в спальню. Она была такой же — его. Тёмно-серые стены, широкое окно без занавесок (Эрик говорил, что шторы — это «архитектурное преступление»), низкая кровать с графитовым постельным бельём. Ни одной случайной вещи. Никакого визуального шума.

Я открыла шкаф — и замерла.

Его рубашки. Чёрные водолазки. Пальто в чехлах. Идеально выглаженные, разложенные по цветам, будто в бутике. А с правой стороны — пустые плечики. Он освободил половину шкафа для меня.

Этот жест — такой простой, такой бытовой — почему-то пробил меня сильнее любых слов. Эрик Ван дер Меер, который семь лет никого не подпускал к себе ближе чем на вытянутую руку, выделил мне половину своего шкафа. Он не просто впустил меня в свой дом. Он пытался впустить меня в свою жизнь.

Я начала разбирать вещи. Мои скромные платья из се-

конд-хенда, пара строгих юбок для бюро, джинсы, свитера. Они выглядели нелепо среди его дорогих вещей. Как воробей в стае соколов. Я аккуратно вешала блузку за блузкой и чувствовала, как внутри поднимается глухое, иррациональное раздражение. На что? На эту квартиру? На его деньги? На себя?

Нет. На ложь.

Я не дура. Я видела его лицо в машине. Видела, как он переглянулся с Марком, думая, что я сплю. Видела, как побелели костяшки его пальцев на руле. Там, в аэропорту, случилось что-то серьёзное. Не «мелкое хулиганство», а что-то, что заставило его снова надеть броню.

«Всё хорошо, Лина. Рабочие моменты».

Лжец. Мой муж — лжец.

Я задвинула ящик с бельём резче, чем нужно. Звук получился резким, хлёстким, как пощёчина. Ладно. Он не хочет говорить сейчас — я не буду давить. Но я не позволю ему снова запереться в своей раковине. Мы для этого женились? Чтобы он опять решал всё сам, а я сидела в золочёной клетке и делала вид, что ничего не замечаю?

Я вытащила со дна чемодана последнее — деревянный молоток с выжженными буквами «Л.М.». Провела пальцем по стёртой рукояти. Отец улыбался мне с пожелтевшей фотографии в памяти: «Стучи, пока не откроют, дочка».

— Я стучу, пап, — прошептала я. — Но он снова ставит стены быстрее, чем я их ломаю.

Я поставила молоток на тумбочку у кровати. На его стороне стоял осколок кирпича с «Горизонта» — его талисман, его память о боли. Теперь рядом с ним будет мой талисман. Два напоминания о том, откуда мы пришли.

Отлично.

Я оглядела спальню. Что-то во мне требовало действия. Не сидеть сложа руки, не ждать, пока он вернётся и снова накормит меня полуправдой. Я должна понять, в каком мире я теперь живу.

Ноги сами принесли меня в кабинет.

Я знала, что не должна. Кабинет Эрика — это его личное пространство, его святая святых. Но дверь была приоткрыта, а внутри... внутри хранились ответы. Он сам сказал мне когда-то: «Здание — это не ложь. Здание — это правда, за-

стывшая в бетоне». Если я хочу узнать правду — мне нужно искать её в его бумагах.

Кабинет встретил меня запахом кофе, бумаги и старого дерева. Огромный дубовый стол был завален чертежами — текущие проекты, эскизы, расчёты. Я скользила по ним взглядом, не задерживаясь. Не это.

Я подошла к стеллажу. Книги по сопромату и истории архитектуры. Папки с проектами — «Луч», «Собор», какие-то старые тендеры. А в самом низу, почти скрытый за кипой журналов, стоял металлический бокс для чертежей. Старый, с облупившейся краской.

Я вытащила его.

На крышке — надпись чёрным маркером, выцветшая от времени: «ГОРИЗОНТ. 2018».

Семь лет. Семь лет он хранит это. Руки дрогнули, когда я открыла крышку. Внутри лежали чертежи — пожелтевшие, с загнутыми углами, кое-где испачканные чем-то, похожим на ржавчину. Или на кровь. Планы этажей, разрезы, фасады. Амбициозный проект, который должен был стать прорывом. И стал катастрофой.

Я перебирала листы, чувствуя, как холод поднимается откуда-то изнутри. Вот эта балка, наверное, та самая, что рухнула. Вот эта отметка — место, где погибли люди. Он хранил всё это семь лет. Зачем? Чтобы помнить? Чтобы наказывать себя?

Под чертежами лежала старая фотография. Я вытащила её. На снимке — Эрик, молодой, без шрамов, без седины, стоит перед строящимся зданием и улыбается. Рядом с ним — Кристиан, тогда ещё не предатель, а партнёр. И кто-то третий, кого я не узнала. Коренастый мужчина с неприятным, скользким взглядом.

Я перевернула фото. На обороте надпись торопливым почерком Эрика: «И. сказал — всё чисто. Не верю. Проверить материалы. 12.04.2018».

За две недели до катастрофы.

Сердце забилося где-то в горле. «И.» — Игорь? Тот самый Игорь, который сейчас возглавляет архитектурную комиссию? Который отклонил мой проект на последнем заседании? Который подошёл ко мне тогда и процедил: «Жаль, что вы ввязались не в ту команду»?

Значит, он был там. Был с самого начала. И Эрик знал

— знал, что с материалами что-то не так, ещё до того, как рухнули балки.

Я прижала фотографию к груди. Перед глазами поплыли круги. Значит, взлом в бюро — это не случайность. Это звено одной цепи. Той самой, что тянется с 2018 года. И Эрик... он знает, кто за этим стоит. Знал с первой минуты, когда ответил на звонок Марка в церкви.

И он решил не говорить мне.

Стук входной двери заставил меня вздрогнуть. Я быстро, как воровка, засунула фотографию обратно в бокс, захлопнула крышку, запихнула его на место. Вскочила, одёрнула свитер, попыталась придать лицу беззаботное выражение.

Не успела.

Эрик стоял в дверях кабинета и смотрел на меня. Его серые глаза скользнули по моему лицу, по чуть сбившемуся дыханию, по рукам, которые я не успела убрать от стеллажа.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он тихо.

Слишком тихо.

— Я... — слова застряли в горле. — Я искала бумагу для заметок. Хочу записать идеи по своему проекту.

Он молчал. Смотрел на меня так, будто видел насквозь — и мою ложь, и мой страх, и ту чёртову фотографию, которую я только что держала в руках.

— Бумага в левом ящике стола, — сказал он наконец. Голос был ровным. Слишком ровным.

— Спасибо.

Он развернулся и вышел. А я осталась стоять посреди кабинета, чувствуя себя так, будто меня застукали над вскрытым сейфом. Но он ничего не сказал. Почему?

Потому что тогда ему пришлось бы признать, что в сейфе вообще что-то есть. Что есть тайна, которую он прячет. И он не готов.

Я сжала кулаки и заставила себя выдохнуть. Хорошо. Пусть так. Ты хочешь играть в молчанку, Эрик Ван дер Мер? Ты забыл, с кем связался. Я не та девочка, которую можно спрятать за стеклянной витриной и кормить красивыми словами.

Я взяла со стола лист бумаги. И вместо заметок по проекту вывела на нём всего три буквы: «И. 12.04.2018». Сложила лист, спрятала в карман джинсов. Мой первый собственный чертёж в этом доме. Чертёж расследования.

Глава 5. Тени

POV: Эрик

Кабинет был единственным местом, где я мог дышать.

Не квартира на Петроградской, где каждая вещь помнила моё одиночество. Не опенспейс бюро, где каждый сотрудник теперь смотрел на меня с немим вопросом: «Что дальше, шеф?» Только здесь, за дубовой дверью с табличкой «Э. Ван дер Меер», я позволял себе снять маску.

На час. На два. Пока хватит сил.

Я опустил в кресло и прикрыл глаза. В висках пульсировала тупая боль — верный спутник недосыпа. Прошлую ночь я провёл не в постели с женой, а за этим столом, перебирая старые контакты, поднимая архивы, пытаюсь нащупать ниточку, ведущую к Игорю. Бесполезно. Он действовал чисто. Ни одной зацепки.

В дверь постучали — коротко, три раза. Марк.

— Войди.

Он проскользнул внутрь, закрыл за собой дверь и без приглашения опустился в кресло напротив. Вид у него был ещё более помятый, чем утром. Под глазами залегли тёмные круги, галстук съехал набок.

— Я проверил список, — начал он без предисловий. — Все, кто имел доступ к сейфу в ту ночь. Охрана, уборщица, трое старших архитекторов, я, ты...

— И? — я подался вперёд.

— Игорь Степанович Трофимов, — Марк выложил на стол распечатку. — Ты знал, что его племянник работает у нас?

Я замер. Этого я не знал.

— Антон Трофимов, — продолжал Марк. — Двадцать шесть лет, младший инженер в отделе расчётов. Устроился полгода назад. Резюме чистое, рекомендации — липовые, но мы не проверяли, потому что брали его на низовую должность.

— Почему я не знал? — мой голос прозвучал глухо.

— Потому что он не светился. Работал тихо, в срок сдавал

расчёты, ни с кем не конфликтовал. Идеальный сотрудник. Прямо образцовый.

— И он знал код от моего кабинета?

— Нет, — Марк покачал головой. — Но он знал того, кто знает.

Мы замолчали. В тишине кабинета было слышно, как гудит вентиляция и где-то далеко, в опенспейсе, звонит телефон. Я смотрел на распечатку с фотографией Антона Трофимова — белобрысый парень с неприметным лицом, — и чувствовал, как внутри затягивается старый, знакомый узел. Узел предательства.

— Ты хочешь сказать, что в моём бюро есть крот, — медленно произнёс я. — И этот крот слил информацию Игорю.

— Похоже на то.

— Доказательства?

— Никаких. — Марк развёл руками. — Антон ничего не брал, ни с кем подозрительным не общался, в ночь взлома у него алиби — он был в ночном клубе, есть свидетели. Мы не можем его даже допросить без риска нарваться на иск.

— Значит, он не сам работал. Он только дал код. Исполнители — профессионалы со стороны.

— Именно. Игорь всё продумал. Он не дурак.

— Он дурак, — отрезал я. — Он думает, что если спрячется за племянником и наёмниками, я не достану его. Он ошибается.

Я встал и подошёл к окну. За стеклом — серая Фонтанка, свинцовая вода, чайки, оружие над мостом. Город, который я когда-то поклялся сделать красивее. Город, который теперь снова превращался в поле битвы.

— Нужно рассказать Лине, — сказал Марк негромко.

— Нет.

— Эрик, чёрт возьми...

— Я сказал — нет! — я развернулся к нему. — Ты не понимаешь. Она только перестала бояться. Ты помнишь, какой она была весной? Загнанная, дёрганая, вздрагивала от каждого звонка. Я не верну её в это.

— А если она узнает сама? — Марк смотрел на меня в упор. — Ты её недооцениваешь. Она умная. Она уже чувствует, что что-то не так. И если она начнёт копать — а она начнёт, ты её знаешь — она может влезть туда, где будет опасно. Ты этого хочешь?

Я молчал. Перед глазами стояло лицо Лины — сегодня утром, когда она стояла перед зеркалом в своём дурацком платье с белым воротничком. Она смотрела на себя и пыталась найти в отражении ту девочку, которая когда-то бросила камень в макет. Которая ничего не боялась. Которая была одна против всего мира.

Теперь она не одна. Теперь у неё есть я. И именно поэтому я не могу позволить ей лезть под пули.

— Я сам с ней поговорю, — сказал я наконец. — Когда придёт время.

— Когда придёт время — может быть поздно.

— Марк, — я посмотрел на него так, что он осёкся. — Я семь лет жил с чувством вины за смерть людей, которые мне доверяли. Я не допущу, чтобы моя жена пополнила этот список.

Он долго смотрел на меня. Потом кивнул — медленно, тяжело.

— Как знаешь, — сказал он, вставая. — Но запомни: я тебя предупредил.

Он вышел, плотно прикрыв дверь. Я остался один.

Снова один, как семь лет назад, когда Кристиан сбежал в Лондон, оставив меня разбираться с руинами «Горизонта» в одиночку. Я тогда тоже думал, что справлюсь сам. Что не нужно никого впутывать. Что ответственность — это моё время.

Чем это кончилось? Четырьмя гробами и десятью операциями на руках.

Я подошёл к сейфу, открыл его и достал то, что не показывал никому. Тонкую папку с надписью «И. Трофимов». Я собирал это досье годами — обрывочные сведения, свидетельства, копии документов. Всё, что могло бы связать Игоря с подделкой материалов на «Горизонте». Не хватало только одного — прямого доказательства. Того самого акта с его подписью, который бесследно исчез из архивов.

Семь лет я гонялся за этим доказательством. Семь лет

Игорь ускользал.

Но теперь всё изменилось. Теперь у него появилась новая цель — не я, а Лина. Он понял то, что понял когда-то Кристиан: меня можно ударить только через тех, кого я люблю.

Я закрыл папку и убрал её обратно в сейф. Щелчок замка прозвучал как выстрел.

«Я разберусь», — сказал я тогда Кристиану за неделю до катастрофы. «Я сам разберусь». Он тогда кивнул, похлопал меня по плечу и сказал: «Конечно, разберёшься. Ты же у нас гений». А сам уже знал, что через неделю здание рухнет. Знал и молчал.

Я не могу повторить эту ошибку. Но я не могу и рассказать Лине правду. Пока не могу. Пока у меня нет доказательств. Пока Игорь на свободе. Пока каждое слово, сказанное ей, может стать угрозой.

Я взглянул на часы. Половина седьмого. Лина, наверное, уже ушла домой. Я должен ехать к ней, должен быть мужем, должен улыбаться и делать вид, что всё в порядке.

Я встал, поправил ворот водолазки, одёрнул рукава. Руки были открыты — ни намёка на перчатки. Шрамы белели на

коже тонкой сеткой. Лина говорит, что это красиво. Лина говорит, что это напоминание о том, что я выжил.

Лина верит мне.

А я вру ей.

Я вышел из кабинета и направился к лифту. В опенспейсе ещё горел свет, но почти все уже разошлись. Только в дальнем углу горела лампа над чьим-то столом. Я пригляделся.

Александра. Она сидела за компьютером, сосредоточенно печатая что-то. Заметив меня, подняла голову и улыбнулась.

— Ты ещё здесь? — спросил я, подходя ближе.

— Готовлю пресс-релиз по «Северной пальмире», — отозвалась она. — Нужно опередить конкурентов, пока кто-нибудь не слил информацию о тендере.

— Уже слили.

Она подняла бровь:

— Вот как? Я не знала.

— Теперь знаешь. — Я помедлил. — Ты работала с Кристианом. В Лондоне.

— Работала, — она откинулась в кресле. — Три года. А что?

— Ты знала Игоря Трофимова?

Она прищурилась. Что-то мелькнуло в её глазах — слишком быстро, чтобы я успел уловить.

— Знала, — ответила она. — Он приезжал в Лондон пару раз. Крис называл его «кузенком», но мне кажется, они были скорее деловыми партнёрами. А что?

— Ничего. Просто собираю информацию.

— Ну-ну, — она усмехнулась. — Берегись, Эрик. Тот, кто начинает копать прошлое, часто выкапывает то, что хотел бы забыть.

— Я ничего не хочу забывать. Поэтому и копаю.

Она смотрела на меня долго и странно. Будто прикидывала, что можно сказать, а что — нельзя. Потом пожала плечами и вернулась к монитору.

— Как знаешь. Я — просто пиарщик. Моё дело — репутация бюро, а не старые тайны.

Я кивнул и пошёл к лифту. Но её последние слова застряли в голове.

«Тот, кто начинает копать прошлое, часто выкапывает то, что хотел бы забыть».

Я вошёл в лифт, и двери сомкнулись за спиной. В зеркальной стене отразился человек, которого я знал слишком хорошо. Семь лет одиночества. Три недели счастья. И одна тайна, которую я поклялся похоронить.

Но у тайн есть свойство воскресать. И кажется, эта начинает подниматься из могилы.

Где-то внизу, в вестибюле, зазвонил мой телефон. На экране высветилось сообщение от Лины: «Я дома. Жду тебя. Нам нужно поговорить».

Я замер с телефоном в руке. Лифт дёрнулся и поехал вниз. А внутри меня что-то оборвалось и полетело в пропасть — с той же неумолимостью, с какой когда-то летели вниз балки «Горизонта».

Она знает. Или догадывается. И сегодня мне придётся выбирать: правда или её безопасность.

Я ещё не знал, что выберу.

Глава 6. Кофе и чай

POV: Лина

Я ждала его на кухне.

Не в гостиной, где слишком просторно и холодно. Не в спальне, где слишком интимно — а я не хотела, чтобы разговор скатился в объятия и поцелуи раньше, чем я получу ответы. Кухня — идеальное место. Нейтральная территория. Здесь мы с ним впервые по-настоящему говорили — той ночью, когда он играл Шопена, а я вошла без стука.

Только теперь Шопена не будет. Будет разговор. Серьёзный.

Я поставила чайник. Достала свою любимую кружку — старую, с трещиной по ободку, привезённую ещё из общаги. Положила на стол молоток отца. Не как угрозу — как якорь. Как напоминание: я здесь, я серьёзна, я не отступлю.

Эрик вошёл через сорок минут после моего сообщения. Я слышала, как хлопнула входная дверь, как он снял пальто, как замер на мгновение в прихожей — будто настраиваясь на то, что его ждёт. Потом шаги. Твёрдые, размеренные. Он

остановился на пороге кухни.

— Ты не спишь, — констатировал он.

— Не сплю. — Я кивнула на стул напротив. — Садись. Чай будешь?

— Я пью кофе.

— Я знаю. Но чай полезнее для нервов. А нам обоим сегодня нужны нервы.

Он сел. Спина прямая, плечи развёрнуты. Маска собранности. Но я видела трещины — в том, как он сжал пальцы на колене, как пробежала жилка на виске.

Я разлила чай по кружкам. Себе — зелёный, ему — чёрный, покрепче. Поставила перед ним. Он не притронулся.

— Ты что-то хотела обсудить, — сказал он.

— Хотела. — Я села напротив, положила руки на стол. — Эрик, я знаю, что в бюро происходит что-то серьёзное. Знаю, что взлом — это не «мелкое хулиганство». И знаю, что ты скрываешь это от меня.

Он молчал. Смотрел на меня серыми глазами, и в них не было ни удивления, ни отрицания. Только холод.

— Ты следила за мной? — спросил он тихо.

— Нет. Я слушала. Стояла за дверью кабинета, когда вы с Марком обсуждали взлом. Ты был так увлечён, что не заметил.

— Это некрасиво, Лина. Подслушивать.

— А врать жене — красиво? — я подалась вперёд. — Ты обещал мне в Праге. Обещал, что не будешь больше решать за меня. Что снимешь замки. Прошло три дня, Эрик. Три дня, и ты снова строишь стену.

Он отвёл взгляд. Смотрел куда-то в окно, где за стеклом чернела сентябрьская ночь. Его лицо было жёстким, как гранит, из которого он строил свои здания.

— Я защищаю тебя, — произнёс он наконец.

— От чего?

— От того, что может тебя разрушить.

— Я не фарфоровая, Эрик. Я пережила смерть отца. Пережила нищету. Пережила травлю в Академии. Я стояла перед журналистами, когда ты хотел меня спрятать, и говорила правду. Как ты думаешь, почему я это делала? Потому что я сильная или потому что ты дал мне эту силу?

Он молчал. Я продолжала:

— Ты дал мне эту силу. Когда поверил в мой проект. Когда назвал меня «Архитектором души». Когда взял за руку и не отдёрнул. Ты научил меня не бояться. А теперь пытаешься забрать это обратно.

Я взяла молоток и положила его между нами, прямо на центр стола.

— Отец говорил: если не хочешь говорить — не говори. Но не ври. Я чувствую ложь, Эрик. Кожей чувствую. Ты что-то скрываешь, и это что-то гложет тебя изнутри. Хватит.

Тишина повисла в кухне, густая, как декабрьский туман. Чай остывал в кружках. Часы тикали на стене.

Эрик взял кружку. Не свою — мою. Поднёс к губам, сделал глоток, поморщился.

— Зелёный, — сказал он. — Ужасная гадость.

— Зато честная.

Он поставил кружку обратно. Посмотрел на молоток, потом на меня. Что-то дрогнуло в его лице — усталость проступила сквозь маску, как вода проступает сквозь треснувший бетон.

— Ты права, — сказал он. Голос прозвучал глухо. — Я скрываю. Но не потому, что не доверяю тебе. А потому что боюсь.

— Чего?

— Потерять тебя. — Он поднял глаза. — Семь лет назад я потерял четырёх человек. Хороших людей, которые мне верили. Я думал, что контролирую ситуацию, а она вышла из-под контроля. Они погибли. Я выжил. И знаешь, что самое страшное? Я им тоже врал. Говорил, что всё в порядке. Что материалы проверены. Что здание устоит.

Он замолчал. Я видела, как побелели его пальцы, сжимающие край стола. Шрамы на тыльной стороне ладони натянулись, стали заметнее.

— Я не переживу, если с тобой что-то случится, — сказал он тихо. — Не переживу.

Я встала, обошла стол и села рядом с ним. Взяла его руку — ту самую, в шрамах. Переплела свои пальцы с его.

— Эрик, — сказала я. — Я не твои рабочие. Я твоя жена. И я не собираюсь умирать. Но я не могу жить в неведении. Это не жизнь — это золотая клетка.

Он молчал долго. Потом глубоко вздохнул — так, будто сбросил с плеч бетонную плиту.

— Хорошо, — сказал он. — Я расскажу. Но не здесь.

— А где?

— Там, где всё началось. Поехали.

Глава 7. Пиар-отдел

POV: Лина

Но до разговора, которого я ждала, была ещё одна встреча. Та, что случилась днём раньше и которую я прокручивала в голове весь вечер, пока ждала Эрика.

Александра.

После того как я прочитала анонимное письмо, я пыталась работать. Честно пыталась. Открывала файлы, чертила эскизы, отвечала на почту. Но перед глазами стояли две картинки: она, кладущая руку на предплечье моего мужа, и строчка «спроси его о 12 апреля 2018 года».

В обед она сама ко мне подошла.

— Лина! — её голос прозвучал тепло, почти по-дружески. — Я как раз хотела предложить: давайте сходим на кофе? Тут за углом отличная кофейня. Познакомимся поближе, всё-таки нам работать вместе.

Формально — ничего особенного. Обычный жест коллеги. Но интуиция — та самая, что когда-то заставила меня

бросить камень в защиту Эрика, — забила тревогу.

— С удовольствием, — ответила я, улыбнувшись так же профессионально. — Только я пью чай.

— Я помню, — она усмехнулась. — Эрик рассказывал.

Что именно рассказывал Эрик? И почему она это запомнила?

Кофейня оказалась маленькой, с претензией на европейский стиль: кирпичные стены, латунные светильники, запах свежемолотого кофе. Мы сели у окна. Александра заказала капучино, я — зелёный чай. Некоторое время болтали о пустяках: о погоде, о городе, о том, как трудно найти хороший кофе в Петербурге. Потом она отставила чашку и посмотрела на меня иначе. Прицельно. Как снайпер.

— Вы ведь уже поняли, что в бюро не всё гладко, — сказала она. Не вопрос. Утверждение.

— У Эрика всегда всё непросто, — осторожно ответила я.

— О, я знаю. Я работала с ним... до того, как всё случилось. — Она помешала кофе ложечкой. Звук получился тонким, звенящим. — Я была пиар-консультантом «Горизон-

та». Тогда, в 2018-м.

Я замерла. Чай вдруг стал безвкусным.

— Эрик не говорил вам? — она подняла бровь. — Впрочем, он вообще не любит говорить о «Горизонте». Знаете, я видела его после катастрофы. Это было... страшно. Человек-скала. Человек-лёд. Ни одной эмоции. Только руки. Он тогда впервые надел перчатки. Сказал, что не хочет, чтобы кто-то видел шрамы.

Она говорила так спокойно, так обыденно, будто пересказывала вчерашний выпуск новостей. А у меня внутри всё сжималось в тугой узел.

— Вы были с ним в тот день? — спросила я.

— На следующий. Прилетела из Лондона первым рейсом. Крис попросил... то есть Кристиан. Он был партнёром Эрика, и ему нужен был пиарщик на месте, чтобы урегулировать скандал. Но Эрик не дал. Сказал: «Никаких комментариев. Пусть говорят что хотят». И закрылся. На семь лет.

Она отпила кофе. Я молчала, переваривая информацию.

— Знаете, что меня восхищает в Эрике? — продолжала

она. — Он гениальный архитектор, но совершенно беспомощный в публичном пространстве. Без меня его бы сожрали ещё тогда. Я вытащила его из той катастрофы — репутационно. Без единого его слова. Просто работала с прессой, пока он сидел в больнице.

«Без меня». «Я вытащила». Она явно хотела, чтобы я поняла: у неё с Эриком — своя история. История, в которую меня не приглашали.

— Вы поэтому вернулись? — спросила я. — Из-за Эрика?

Она посмотрела на меня долгим взглядом. Улыбнулась — но не тепло, а понимающе. Как игрок игроку.

— Я вернулась, потому что он попросил. После истории с Кристианом и статьи в прессе он понял, что ему нужен профессионал. И позвонил мне.

— Он не говорил.

— Конечно, не говорил. — Она наклонилась чуть ближе. — Эрик вообще не любит говорить о том, что может кого-то задеть. Он всегда так — защищает, контролирует, решает сам. Со мной было так же.

Вот оно. Удар. Тонкий, почти незаметный, но точный. «Со мной было так же». Она поставила себя в один ряд со мной. Или меня — с собой. Сразу и не разберёшь.

— Вы были вместе? — спросила я прямо.

Александра рассмеялась. Легко, мелодично, будто я сказала что-то невероятно забавное.

— Нет, что вы! — она покачала головой. — Эрик тогда вообще не смотрел на женщин. Он смотрел только на чертежи. Но я была... ближе других. Мы много работали вместе. Он доверял мне. А это, знаете ли, дорогого стоит.

— Знаю, — ответила я. — Я тоже через это прошла.

Она посмотрела на меня с интересом. Что-то промелькнуло в её глазах — уважение? Оценка? Предупреждение?

— Вы умная девочка, Лина, — сказала она наконец. — И я понимаю, почему он выбрал вас. Вы настоящая. В нашем мире это редкость. Но будьте осторожны. У Эрика много врагов. И не все они — снаружи.

— Что вы имеете в виду?

— Взлом, — она пожала плечами. — Он ведь не рассказал вам о взломе, правда? Я так и думала. Не рассказал.

У меня внутри всё оборвалось. Она знала о взломе. Знала, что он скрывает. И сообщила мне это так, между делом, с чашкой капучино в руке, будто говорила о погоде.

— Откуда вы знаете о взломе? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Я глава пиар-отдела, — она улыбнулась. — Я должна знать всё, что может повлиять на репутацию бюро. Тем более что это... уже влияет.

Она отставила чашку и взяла сумочку.

— Мне пора, совещание через полчаса. Спасибо за компанию, Лина. Надеюсь, мы сработаемся.

Она ушла. А я осталась сидеть с остывшим чаем и ощущением, что меня только что профессионально отыграли. Александра не была врагом. Но она не была и другом. Она была фигурой на доске — умной, опытной, с собственными целями. И она явно знала больше, чем говорила.

Вечером, когда я ждала Эрика на кухне, я прокручивала

этот разговор снова и снова. Александра упомянула взлом. Сказала, что Эрик «не рассказал мне». И это было правдой — на тот момент.

Но теперь всё изменится. Эрик обещал мне правду. И я собиралась её получить.

Глава 8. Перчатки

POV: Эрик

Мы ехали в ночь. Молча.

Я вёл машину, а Лина сидела рядом, глядя в окно на огни Петербурга, проплывающие мимо. В салоне было тихо — только шорох шин по асфальту и далёкий гул проспекта. Я не знал, куда везу её. Вернее, знал, но не до конца осознавал. Руки сами поворачивали руль в нужных местах, будто вели меня по давно забытому, но не стёртому из памяти маршруту.

Мы проехали мост, свернули на набережную Обводного канала. Я сбросил скорость и остановился у старого промышленного квартала, где за высоким забором темнели силуэты ржавых кранов и остовов недостроенных цехов.

— Что это за место? — спросила Лина. Она смотрела в окно с тревогой и любопытством.

— Здесь должен был стоять «Горизонт», — ответил я, глуша двигатель. — Видишь пустырь? Котлован залили бетоном после катастрофы. Семь лет назад здесь был мой глав-

ный проект.

Я открыл дверцу и вышел. Лина — за мной. Сентябрьский ветер рванул её волосы, бросил в лицо мелкую морось. Я накинул ей на плечи своё пальто, она благодарно кивнула.

Мы прошли сквозь пролом в заборе и оказались на пустыре. Огромное, залитое бетоном пятно уходило в темноту. Кое-где сквозь трещины пробивалась трава — робкая, живучая, не желающая сдаваться. На краю стоял небольшой обелиск с четырьмя именами.

Я остановился перед ним и долго стоял молча. Лина не торопила. Она стояла рядом, чуть позади, и её присутствие было не давящим, а... поддерживающим. Как будто она держала меня за плечи, хотя на самом деле даже не прикасалась.

— Я не был здесь семь лет, — произнёс я наконец. — Не мог. Каждый раз, когда думал приехать, начинало трясти.

Я повернулся к ней. В ночной темноте её лицо казалось бледным, только глаза горели — зелёные, с янтарными крапинками, как два костра в тумане.

— Ты хотела правду, Лина. Слушай. Взлом в бюро — это не случайность. Это Игорь Трофимов. Председатель комис-

сии. Тот самый, что отклонил твой проект. Помнишь, ты нашла старую фотографию с подписью «И.»? Это он. Он был с нами на «Горизонте». Он подписал подмену материалов. Я знал, что что-то не так, за две недели до катастрофы знал, но не смог доказать. А когда здание рухнуло, все бумаги исчезли. Вместе с Кристианом, который сбежал в Лондон, прихватив всё, что могло бы вывести Игоря на чистую воду.

Лина слушала, не перебивая. Её пальцы сжались в кулаки.

— Игорь думал, что я сдохну, — продолжал я. — Или сломаюсь. Но я выжил. Отстроил бюро. Стал ещё сильнее. И тогда он решил ударить иначе. Не по мне — по тебе. Потому что ты — моё слабое место. Моя ахиллесова пята. Взлом, кража чертежей, анонимки, которые ты получаешь, — это всё звенья одной цепи. Он готовит почву. Он хочет, чтобы ты испугалась. Ушла. Или чтобы тебя убрали.

— Поэтому ты не рассказывал мне, — тихо сказала она. — Ты думал, что если я не буду знать, я буду в безопасности.

— Я думал, что если ты не будешь знать, ты не начнёшь копать. А если не начнёшь копать — не выйдешь на Игоря. И он оставит тебя в покое. — Я горько усмехнулся. — Глупо, да?

— Глупо, — согласилась она. — Но понятно.

Она подошла ближе. Взяла мои руки в свои. Мои руки без перчаток — открытые, со шрамами. Она перебирала пальцами белёсые полосы на коже, и от её прикосновения мне становилось легче дышать.

— Я не выходила за тебя ради покоя, — сказала она. — Я вышла, чтобы делить всё. Плохое и хорошее. Опасное и безопасное. Ты не один больше, Эрик. У тебя есть я. И я не собираюсь прятаться.

— Лина, — я сжал её пальцы. — Ты не понимаешь. Игорь опасен. Он уже один раз убил — не своими руками, но убил. Четыре человека погибли из-за его жадности. Ему ничего не стоит...

— Ему ничего не стоит, — перебила она. — Я знаю. Но я не фарфоровая кукла, которую можно разбить. Я — дочь строителя. Я — архитектор. Я — твоя жена. Ты научил меня не бояться. А теперь пытаешься сделать вид, что я беспомощная?

— Я не...

— Пытаешься. — Она отпустила мои руки и отступила

на шаг. — Эрик, я благодарна тебе за правду. Правда. Но у меня есть условие.

— Какое?

— Если ты ещё раз решишь за меня, что мне можно знать, а что нет, — я уйду. Не от тебя. От этой лжи. Я не могу жить с человеком, который считает меня хрупкой и прячет от реальности.

Она стояла передо мной — рыжие волосы, растрепавшиеся на ветру, упрямый подбородок, зелёные глаза, полные решимости. И в этот момент она была прекрасна. Так прекрасна, что у меня перехватило дыхание.

— Я понял, — сказал я. — Обещаю. Больше никаких тайн.

Она кивнула — сухо, по-деловому. Но я видел, что в глазах блестят слёзы. Она не плакала — Лина Морозова вообще не умела плакать. Но где-то глубоко внутри ей было больно.

— Теперь рассказывай всё, — сказала она. — Кто такой Игорь? Почему он охотится за тобой семь лет? И при чём здесь я?

Я обнял её за плечи, развернул лицом к обелиску.

— Игорь Трофимов, — начал я, — был главным инженером в комиссии, принимавшей объекты. В 2018 году он отвечал за проверку материалов на «Горизонте». Кристиан был его связным — они вместе проворачивали схемы с подменой поставок. Дешёвый бетон, бракованная арматура — всё это шло на стройку под видом качественных материалов. А разницу они клали в карман.

— Почему ты не мог доказать? — спросила Лина.

— Потому что документы подписывал сам Игорь. Акт приёмки материалов — его подпись. И когда здание рухнуло, этот акт исчез. Кристиан сбежал с ним в Лондон. Я остался с пустыми руками и четырьмя трупами.

— А тот акт, что мы искали весной? — она нахмурилась.
— В папках «Горизонта»?

— Это копия без подписи Игоря. Она ничего не стоит в суде. Мне нужен оригинал. Тот, что Кристиан увёз с собой.

Она замолчала. Я видел, как в её голове крутятся шестерёнки — она анализировала, сопоставляла, искала логику. Моя жена. Мой архитектор.

— Значит, — медленно произнесла она, — пока Кристиан в тюрьме, Игорь в безопасности. Но он всё равно боится. Чего?

— Он боится, что я найду оригинал. Или что Кристиан заговорит.

— А он может заговорить?

Я покачал головой:

— Нет. Кристиану невыгодно. Пока он молчит, Игорь заботится о его семье. Если он заговорит — его семья останется без поддержки. И без защиты.

Лина долго смотрела на обелиск. Четыре имени, выбитые в камне. Четыре жизни, оборванные из-за жадности двух человек.

— Мы найдём оригинал, — сказала она наконец.

— Что?

— Мы найдём оригинал акта. — Она повернулась ко мне. — Игорь думает, что ты один. Что ты снова будешь играть

по-старому — прятаться, контролировать, тянуть всё сам. Но ты теперь не один. У тебя есть я. У нас есть Марк, есть Вера, есть Александра...

— Александра? — я напрягся. — Ты с ней говорила?

— Да. И она знает больше, чем рассказывает. — Лина взяла меня за руку. — Эрик, мы справимся. Вместе. Только перестань строить стены. Я не могу пробивать их каждый раз.

Я смотрел на неё и чувствовал, как внутри рушится последняя опора того старого мира, в котором я жил семь лет. Мира, где я был один. Где никто не мог помочь. Где каждое прикосновение причиняло боль.

Она взяла мою руку и поднесла к своей щеке. Мои шрамы коснулись её кожи — тёплой, живой.

— Ты больше не один, — повторила она. — Слышишь?

Я слышал.

Ветер с залива принёс запах соли и водорослей. Где-то вдалеке, в порту, прогудел корабль — низко, протяжно. Мы стояли на руинах моего прошлого и смотрели друг на друга. Между нами больше не было лжи.

— Поехали домой, — сказал я. — У нас много работы.

Она улыбнулась. Впервые за этот долгий, тяжёлый вечер.

— Поехали. Дома расскажешь мне всё, что знаешь об Игоре. До мельчайших деталей. Мы начинаем охоту.

Мы пошли обратно к машине. Я вёл её за руку, и мои пальцы больше не дрожали.

Война только начиналась. Но впервые за семь лет я знал, что не проиграю.

Глава 9. Архитектурный совет

POV: Лина

Зал заседаний архитектурного совета Санкт-Петербурга выглядел так, будто его построили специально для того, чтобы внушать трепет. Высокие своды, дубовые панели на стенах, огромная хрустальная люстра, подвешенная на цепях, словно мост над пропастью. За длинным столом, покрытым зелёным сукном, сидели члены комиссии — седые профессора, чиновники в дорогих костюмах, два приглашённых эксперта. А во главе — Игорь Трофимов.

Я сидела в третьем ряду для зрителей, стиснув пальцы на коленях, и смотрела на него. Холёное лицо, зачёсанные назад светлые волосы с проседью, дорогие очки в тонкой золотой оправе. Он излучал спокойную, уверенную власть. Таковую, какая бывает только у людей, которые знают: их не достать.

Эрик стоял у трибуны — высокий, прямой, как шпиль его же собора. Чёрная водолазка подчёркивала резкие линии скул и плеч. Он говорил о проекте «Северная пальмира» — реновации исторического квартала на Выборгской стороне. Говорил спокойно, чётко, без эмоций. Но я знала его доста-

точно, чтобы заметить: пальцы, держащие указку, слишком сильно сжаты.

— Таким образом, — подводил он итог, — проект предусматривает не только сохранение исторического фасада, но и полную модернизацию внутренних коммуникаций. Это позволит продлить жизнь квартала минимум на пятьдесят лет без потери аутентичности.

По залу пробежал одобрителный шёпот. Я видела, как кивают профессора, как один из экспертов что-то быстро записывает в блокнот. Проект был хорош. Даже великолепен. Я знала это, потому что последние две недели Эрик работал над ним ночами — после того как оригинальные чертежи были украдены и пришлось восстанавливать всё практически с нуля.

Игорь снял очки и медленно протёр стёкла замшевой тряпочкой. Жест был нарочито медленным, почти театральным. Он ждал, пока стихнет гул.

— Благодарю вас, господин Ван дер Меер, — произнёс он наконец. Голос был мягким, обволакивающим, как патока. — Проект действительно... впечатляет. На бумаге.

Зал затих. Я почувствовала, как по спине пробежал холо-

док.

— Что вы имеете в виду? — спросил Эрик. Его голос не дрогнул.

— Я имею в виду, — Игорь отложил очки и сложил пальцы домиком, — что мы рассматриваем проекты не только с точки зрения архитектурной ценности. Комиссию интересует также... репутационная надёжность исполнителя.

По рядам прокатился шёпот. Кто-то из чиновников заёрзал в кресле.

— Поясните, — потребовал Эрик.

— Охотно. — Игорь раскрыл папку перед собой. — До комиссии дошли сведения, что две недели назад ваше бюро подверглось взлому. Были похищены материалы именно этого тендера. Возникает закономерный вопрос: насколько защищена информация в вашей компании? Можем ли мы доверять бюро, которое не способно уберечь собственные чертежи?

Я закусила губу. Вот оно. Он вытащил козырь. Не просто публично унизил Эрика — он сделал это так, что теперь любое решение комиссии в пользу бюро будет выглядеть подо-

зрительно. Гениальный ход. Подлый, но гениальный.

Эрик выдержал паузу. Он не взорвался, не начал оправдываться. Он просто стоял и смотрел на Игоря — тем самым взглядом, которым когда-то смотрел на меня в первый день в бюро. Холодно. Оценивающе.

— Взлом имел место, — сказал он ровно. — Это факт. Но факт также и то, что за десять дней мы полностью восстановили документацию и подали её на рассмотрение. Бюро работает, господин председатель. И работает эффективно.

— Похвально, — улыбнулся Игорь. — Но безопасность — это не только скорость реакции. Это ещё и способность предотвращать подобные инциденты. У меня есть основания полагать, что бюро Ван дер Меера находится в состоянии внутреннего кризиса, вызванного, скажем так, кадровыми изменениями.

Он перевёл взгляд на меня. Прямо на меня, в третий ряд. Его глаза — светло-голубые, почти прозрачные — впились в моё лицо с холодной цепкостью.

— Поговаривают, — продолжал он, не отводя взгляда, — что в штате бюро появились... новые люди. Чьи квалификация и опыт могут не соответствовать заявленным требова-

ниям.

В зале повисла тишина. Я чувствовала, как десятки глаз поворачиваются ко мне. Кровь прилила к щекам, но я заставила себя не опустить голову. Смотреть прямо. Не показывать страха.

— Если вы имеете в виду мою жену и младшего архитектора бюро Лину Морозову-Ван дер Меер, — голос Эрика прозвучал как удар хлыста, — то её квалификация подтверждена дипломом с отличием и победой в конкурсе «Собор». И я попросил бы комиссию воздержаться от намёков, не подкреплённых фактами.

Игорь развёл руками:

— Помилуйте, господин Ван дер Меер, я ни на кого не намекаю! Я лишь озвучиваю те риски, которые комиссия обязана учитывать. В конце концов, речь идёт о бюджете в сотни миллионов рублей.

Он захлопнул папку и обвёл взглядом членов комиссии:

— В связи с вышеизложенным предлагаю отложить рассмотрение проекта бюро Ван дер Меера до выяснения всех обстоятельств. В частности — до завершения внутренней

проверки безопасности и подтверждения квалификации новых сотрудников.

— Поддерживаю, — быстро сказал один из чиновников.

— Поддерживаю, — эхом отозвался другой.

Председатель комиссии по этике, седой профессор с бородкой клинышком, попытался возразить:

— Позвольте, но это... это беспрецедентно. Мы не можем откладывать тендер только на основании слухов.

— Это не слухи, — жёстко перебил Игорь. — Это забота о репутации комиссии. Голосуем.

И они проголосовали. Шесть — за перенос, двое — против. Проект Эрика отложили на неопределённый срок. Я видела, как он стоит у трибуны — спина прямая, лицо непроницаемое. Но я знала: внутри у него всё кипит.

Игорь поднялся и начал собирать бумаги. Заседание было окончено. Члены комиссии потянулись к выходу, переговариваясь вполголоса. Я встала и начала пробираться к Эрику.

Я почти дошла, когда дорогу мне преградил Игорь.

Он возник передо мной внезапно, будто материализовался из воздуха. Вблизи он оказался выше, чем я думала, — пришлось задрать голову, чтобы встретить его взгляд.

— Лина Морозова, — произнёс он тихо, так, чтобы слышала только я. — Наслышан.

— Не сомневаюсь, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Вы та самая студентка, которая бросила камень в макет. — Он улыбнулся, но улыбка не затронула глаз. — Романтично. Глупо, но романтично. Жаль, что вы ввязались не в ту команду.

— Я сама выбираю команду.

— Да-да, я помню. — Он склонил голову к плечу. — Ваш отец был строителем, кажется? Хороший был человек. Работал на подряде у моего знакомого. Жаль, что так рано ушёл.

У меня перехватило дыхание. Он знал об отце. Знал, откуда я, знал мою историю. Он подготовился. Изучил меня.

— Не смейте говорить о моём отце, — произнесла я, чув-

ствуя, как закипает ярость.

— Отчего же? — он притворно удивился. — Мы же коллеги. Должны знать друг друга. Знаете, ваш отец был честным человеком. А честность в нашем мире... непозволительная роскошь.

Он наклонился чуть ближе и прошептал:

— Передайте мужу: я не успокоюсь, пока от его бюро не останется щебень. Как от «Горизонта». И вы, девочка, мне не мешаете.

Он выпрямился, улыбнулся своей патОчной улыбкой и пошёл к выходу. А я осталась стоять с колотящимся сердцем и ледяными пальцами.

Эрик подошёл через секунду.

— Что он тебе сказал?

— Ничего нового, — я заставила себя выдохнуть. — Подтвердил то, что мы и так знаем. Война.

POV: Эрик

Я смотрел вслед Игорю и считал про себя до десяти. Старая техника. Помогает не сорваться. Десять — это максимум, на который меня хватило.

Он подходил к ней. Говорил с ней. Дышал на неё своим ядовитым дыханием.

Лина стояла бледная, но собранная. Ни слезинки. Ни дрожи в голосе. Моя жена. Моя невероятная жена.

— Он угрожал тебе? — спросил я, беря её за локоть.

— Нет. Предупреждал. — Она посмотрела на меня. — Он сказал, что не успокоится, пока не уничтожит бюро. И что я ему не помешаю.

— И что ты ответила?

— Ничего. Не захотела доставлять ему удовольствие.

Я сжал её руку. В зале почти никого не осталось — только секретарь комиссии собирал бумаги на столе да уборщица протирала подоконники.

— Он силён, — сказала Лина, когда мы вышли в коридор.
— Не только связями. Он умён. Он подготовился. Знал о моём отце. О взломе. Обо всём.

— Кристиан сливает ему информацию из тюрьмы, — я говорил тихо, хотя коридор был пуст. — Другого объяснения нет.

— Тогда нам нужен свой источник, — она остановилась и посмотрела на меня. — Тот, кто знает Кристиана. Кто работал с ним.

— Александра.

— Именно.

Я помедлил. Александра... Я не рассказывал Лине всего. Не потому что скрывал — просто не хотел давать ей лишний повод для ревности. Но сейчас не время для недомолвок.

— Мы с Александрой... у нас была связь, — сказал я прямо. — Давно. До «Горизонта». Это длилось недолго и закончилось до катастрофы. Но она знает Кристиана. И знает Игоря.

Лина выслушала это спокойно. Только пальцы чуть силь-

нее сжали мою ладонь.

— Я догадывалась, — сказала она. — Спасибо, что сказал. Теперь иди к ней. Сейчас. Она должна рассказать всё, что знает. А я поеду в бюро. Марк ждёт отчёт о заседании.

— Ты не ревнуешь?

— Ревную, — она усмехнулась. — Но я не дура. Дело важнее.

Я поцеловал её в лоб. Быстро, но крепко.

— Будь осторожна.

— Ты тоже.

Она ушла. А я остался в пустом коридоре архитектурного совета, глядя на дверь, за которой только что решалась судьба моего дела. Игорь выиграл этот раунд. Но бой только начинался.

Я набрал номер Александры.

— Жди меня в бюро. Есть разговор.

Глава 10. Допрос

POV: Лина

В бюро я не доехала.

Меня перехватили на полпути. Чёрная «Волга» с тонированными стёклами притормозила у тротуара, едва я вышла из метро на Петроградской. Из машины вышел мужчина в штатском — серый плащ, усталое лицо, тусклые глаза.

— Лина Андреевна Морозова? — он показал удостоверение. — Капитан Свиридов, следственный отдел. Прошу проехать со мной.

Сердце ухнуло куда-то вниз.

— В чём дело?

— Плановый опрос по делу о взломе в бюро «Ван дер Мер». Вы числитесь сотрудником. Ничего серьёзного.

Я знала, что это ложь. Ничего серьёзного не начинается с «планового опроса» у тротуара. Но отказываться было нельзя — только хуже. Я села в машину.

Участок оказался старым, ещё советской постройки: облупившаяся краска на стенах, запах хлорки и табака, гулкие коридоры. Меня провели в тесный кабинет без окон. Стол, два стула, лампа под зелёным абажуром. Капитан Свиридов сел напротив и включил диктофон.

— Итак, Лина Андреевна, — он раскрыл папку. — Расскажите, как давно вы работаете в бюро?

— С мая этого года. Сначала стажёром, теперь младшим архитектором.

— А до этого?

— Училась в Архитектурной академии. Закончила с отличием.

— Знаю, — он кивнул. — Я читал ваше дело.

Моё дело. У них есть моё дело. Я сжала руки под столом.

— Где вы находились в ночь взлома?

— В Праге. С мужем. У нас был медовый месяц.

— Кто может это подтвердить?

— Муж. Марк Ильин, ассистент господина Ван дер Мее-ра, который организовывал поездку. Сотрудники отеля. Пограничная служба, в конце концов.

— Хорошо, — он сделал пометку. — А ваши отношения с мужем? Как давно вы вместе?

— Вместе — с весны. Замужем — с августа.

— Быстро, — он поднял бровь. — Не находите?

— Нахожу. Но это не преступление.

— Никто и не говорит о преступлении. — Он откинулся на стуле. — Скажите, Лина Андреевна, ваш муж когда-нибудь обсуждал с вами детали проектов? Конфиденциальную информацию?

— Нет. У нас не принято обсуждать работу дома.

— А с другими сотрудниками? С кем вы общаетесь ближе всего?

— С Марком. С Верой, моей подругой, но она не работает

в бюро. С Александрой, главой пиар-отдела.

— С Александрой... — он снова сделал пометку. — Что вы о ней знаете?

— Только то, что она работает у нас недавно. Раньше жила в Лондоне. Была знакома с бывшим партнёром Эрика.

— С Кристианом?

— Да.

Он замолчал, перелистывая страницы. Я чувствовала, как пот стекает по спине. Что он хочет услышать? К чему клонит?

— Лина Андреевна, — капитан поднял глаза. — Вам не кажется странным, что взлом произошёл именно в то время, когда вас не было в стране?

— Мне кажется странным, что вы задаёте этот вопрос мне, а не тем, кто организовал взлом.

Он усмехнулся:

— Дерзкая. Мне говорили.

Кто говорил? Игорь? Следователь работал на него? Или просто выполнял чей-то заказ?

— Последний вопрос, — он захлопнул папку. — Вы знаете, кто такой Игорь Степанович Трофимов?

— Председатель архитектурной комиссии.

— А то, что он родственник Кристиана, знали?

— Догадывалась.

— И вам не кажется это... интересным совпадением? Ваш муж конфликтует с Трофимовым. Трофимов — родственник бывшего партнёра вашего мужа, которого посадили. А теперь взлом в бюро. Цепочка, не находите?

Я молчала. Он ждал. Лампа жужжала.

— Я не играю в детективов, капитан, — сказала я наконец.
— Я архитектор. И если у вас нет ко мне больше вопросов, я хотела бы вернуться к работе.

Он долго смотрел на меня. Потом выключил диктофон.

— Идите, — сказал он. — Но далеко не уезжайте. Вы можете понадобиться.

Я вышла из участка на ватных ногах. Осенний ветер ударил в лицо, и я вдохнула его, как утопающий глотает воздух. Они копают под меня. Не под Эрика — под меня. Пытаются найти трещину, слабое место, за которое можно зацепиться.

Я прислонилась к стене и закрыла глаза. Перед внутренним взором всплыло лицо отца. Он стоял на нашей кухне, перепачканный цементной пылью, и говорил: «Стучи, пока не откроют».

Я стучала. А они пытались замуровать меня в стену.

— Лина!

Я открыла глаза. Эрик. Он стоял передо мной — запыхавшийся, бледный, без пальто, хотя на улице было не больше десяти градусов.

— Ты как? — он схватил меня за плечи. — Мне Марк позвонил, сказал, что тебя забрали. Я сорвался. Что они хотели?

— Ничего особенного, — я попыталась улыбнуться. —

Просто задавали вопросы. Про меня. Про тебя. Про нас.

— Что за вопросы?

— Пытались понять, не трещина ли я. — Я посмотрела ему в глаза. — Не слабое ли звено. Не через меня ли можно ударить по тебе.

Он молчал. Его пальцы сильнее сжали мои плечи.

— Это Игорь, — сказал он наконец. — Его люди в следствии. Он пытается надавить на тебя, чтобы ты испугалась. Ушла.

— Я не уйду.

— Знаю. — Он притянул меня к себе. Я уткнулась лицом в его грудь, вдохнула запах его одежды — кофе, бумага, едва уловимый сандал. — Прости меня. Я думал, что смогу защитить тебя сам. Но они всё равно добрались.

— Ты не можешь защитить меня от всего мира, — проворкотала я в его водолазку.

— Могу. Просто нужно найти правильный способ.

Я отстранилась и заглянула ему в лицо. Он был спокоен, но я видела, что за этим спокойствием — ярость. Холодная, контролируемая, но оттого не менее опасная.

— Ты говорил с Александрой? — спросила я.

— Ещё нет. Она ждёт в бюро.

— Тогда поехали. Хватит прятаться. Пора нападать.

Глава 11. Круг

POV: Эрик

Я собрал их в малой переговорной. Только тех, кому доверял. Марк, Александра, начальник службы безопасности Глеб — бывший военный, молчаливый и исполнительный, которого я нанял сразу после истории с Кристианом.

Четверо. Четверо против империи Игоря. Смешно.

— Итак, — я обвёл взглядом собравшихся. — Все знают, что произошло. Совет отложил тендер. У Лины только что был допрос в следственном отделе. Игорь давит по всем фронтам. Нам нужен план.

— Какой именно? — спросила Александра. Она сидела, закинув ногу на ногу, и крутила в пальцах дорогую ручку. Спокойная, как танк.

— План войны. У нас есть две цели. Первая — выиграть тендер. Вторая — найти оригинал акта подмены материалов, который Кристиан увёз в Лондон. Без него Игорь неуязвим.

— С тендером я могу помочь, — сказала Александра. —

Дайте мне неделю. Я подниму прессу — архитектурные порталы, деловые издания, соцсети. Мы сделаем так, что решение комиссии будет выглядеть как сведение личных счётов. Общественное мнение — это сила. Даже Игорь не сможет игнорировать его вечно.

— Добро, — кивнул я. — Глеб?

Начальник безопасности откашлялся:

— У меня есть кое-что. Мой человек в Лондоне вышел на бывшего бухгалтера Кристиана. Женщина, Нина Петровна, работала с ним три года. Уволилась незадолго до ареста. Говорит, что у неё остались копии документов. Но она боится.

— Чего?

— Игоря. Точнее, его связей. Она сказала: «Я подпишу что угодно, только если мне гарантируют безопасность». Без этого — ни слова.

— Значит, нужно гарантировать, — я повернулся к Марку. — Сколько у нас свободных средств?

— Достаточно, чтобы перевезти её в другую страну и обеспечить защиту на год.

— Действуй. Свяжись с ней, предложи программу защиты свидетелей. Если она согласна — вывозим.

Марк кивнул и сделал пометку в блокноте.

Я обвёл взглядом оставшихся.

— Теперь главное. Крот.

В переговорной повисла тишина.

— Антон Трофимов, — продолжил я. — Младший инженер. Племянник Игоря. Устроился к нам полгода назад. Я не верю в совпадения.

— У него алиби на ночь взлома, — заметил Глеб. — Клуб, свидетели. Мы проверили.

— Значит, он не сам воровал. Он слил код доступа тем, кто воровал. Мне нужно, чтобы ты установил за ним наблюдение. Незаметное. Каждый звонок, каждая встреча. Особенно — контакты с дядей.

— Понял.

— И ещё, — я помедлил. — Лина. С сегодняшнего дня она не ходит одна. Глеб, выдели человека. Пусть сопровождает её вне бюро. Докладывает мне.

— Эрик, — подала голос Александра. — Ты понимаешь, что если она узнает, то...

— Я не спрашиваю разрешения. Это вопрос безопасности.

Она покачала головой, но промолчала.

Совещание закончилось через час. Мы разошлись, каждый со своей задачей. Марк — связываться с лондонским бухгалтером. Глеб — организовывать наблюдение. Александра — готовить медийную атаку. Я — координировать.

В коридоре меня догнал Марк. Он был хмур.

— Эрик, можно на пару слов?

— Давай.

Мы отошли к окну в конце коридора. За стеклом темнел осенний вечер, зажигались огни Петроградской стороны. Марк мялся, что было на него не похоже.

— Ты понимаешь, что Игорь будет бить не по тебе, а по ней? — сказал он наконец. — Он уже начал. Допрос, намёки на совете, анонимки. Это только начало. Дальше будет хуже.

— Понимаю.

— И ты готов к этому?

— Я готов к тому, что мне придётся быть жёстче, чем когда-либо. — Я посмотрел ему прямо в глаза. — Марк, я семь лет жил как в летаргии. Я думал, что если запереть себя в башне из бетона и стали, боль не достанет. А она всё равно достала. Через неё. Лина — это единственное, что я не могу позволить себе потерять. Поэтому я сделаю всё, чтобы её защитить.

— Даже если это будет стоить тебе её доверия?

Я промолчал. Он вздохнул и похлопал меня по плечу.

— Будь осторожен, Эрик. Игорь играет в долгую. Он умнее, чем кажется.

Я знал. Знал лучше, чем кто-либо. Игорь был терпелив. Он ждал семь лет, пока я расслаблюсь. Пока у меня появится

что-то, что можно отнять. И теперь он наносил удар за ударом — методично, выверенно, без спешки.

Я вернулся домой поздно. Лина уже спала — свернулась клубочком на кровати, поджав колени к животу. На тумбочке лежал молоток отца, а рядом — мой осколок кирпича. Два талисмана.

Я сел за стол в кабинете и открыл ноутбук. Работать не мог. Мысли крутились вокруг одного: как защитить её, не превратив в пленницу?

Ответа не было.

Тогда я достал лист бумаги и начал писать. Не чертёж. Письмо. Ей. На случай, если меня не будет рядом. На случай, если война затянется. На случай, если я не смогу сказать это вслух.

«Лина.

Ты самое лучшее, что случилось со мной. Ты ворвалась в мою жизнь с камнем в руке и разбила вдребезги всё, что я строил годами: моё одиночество, мой контроль, мой страх. Ты показала мне, что можно жить иначе. Спасибо тебе.

Если ты читаешь это письмо, значит, я где-то не рядом. Не потому что ушёл — никогда. Потому что война иногда требует жертв. Я не боюсь быть этой жертвой. Я боюсь, что она коснётся тебя.

Ты сильная. Ты справишься. Только, пожалуйста, не забывай стучать. Даже когда кажется, что все двери закрыты. Где-то всегда есть та, что откроется.

Я люблю тебя.

Эрик».

Я сложил письмо и убрал в ящик стола. Потом выключил лампу и пошёл в спальню. Лина не проснулась, только вздохнула во сне и прижалась ко мне, когда я лёг рядом.

Я обнял её и закрыл глаза. Завтра будет новый бой. Но сейчас, в этой тишине, у меня было всё, ради чего стоило бороться.

Глава 12. Письмо

POV: Лина

Я проснулась от того, что кровать была пуста.

Не просто пуста — холодна. Эрик явно встал давно. Я нащупала телефон на тумбочке: 6:47. Он всегда просыпался в 5:30, это было его железное правило. Но обычно я чувствовала, как он встаёт, как осторожно, стараясь не разбудить, откидывает одеяло. Сегодня — ничего. Я проспала его уход.

Я села в постели и огляделась. Спальня тонула в сером утреннем полумраке. За окном моросил мелкий, противный дождь — Петербург снова показывал свой истинный характер. Вещи Эрика были на месте: водолазка на спинке стула, часы на полке, книга на тумбочке. Значит, он не уехал. Просто встал и ушёл в другую комнату.

Я накинула халат и вышла в коридор. В кабинете горел свет — узкая полоска под дверью. Я приоткрыла её и заглянула. Эрик сидел за столом, склонившись над бумагами. Перед ним стояла кружка с кофе — уже остывшим, судя по тому, что над ней не поднимался пар.

— Ты не спал? — спросила я.

Он вздрогнул и поднял голову. Под глазами залегли тени, веки покраснели. Он был в той же одежде, что и вчера.

— Задремал на пару часов, — ответил он, потирая переносицу. — Не хотел тебя будить.

— Ты работал всю ночь?

— Не работал. Думал.

Я вошла и села в кресло напротив. Между нами — дубовый стол, заваленный чертежами, и та самая кружка с остывшим кофе. Символ нашей новой реальности: он снова не спит, он снова что-то скрывает, и я снова должна вытаскивать из него правду.

— О чём думал? — спросила я.

— Обо всём сразу. — Он откинулся в кресле. — О совете. О допросе. О том, что я опять делаю то, что обещал не делать.

— Что именно?

— Контролирую, — он горько усмехнулся. — Знаешь, я вчера после совещания приказал Глебу приставить к тебе охрану. Незаметную. Ты не должна была знать.

Я медленно выдохнула.

— Но ты говоришь мне об этом сейчас. Почему?

— Потому что ты была права. Тогда, на пустыре. Если я буду прятать тебя от реальности, ты уйдёшь. Я не хочу, чтобы ты ушла.

Я почувствовала, как внутри что-то отпускает. Не до конца — но достаточно, чтобы дышать стало легче.

— Спасибо, что сказал, — произнесла я. — И спасибо за охрану. Я не против. Только в следующий раз спрашивай.

— Договорились.

Он замолчал. Смотрел на меня странным взглядом — долгим, внимательным, будто запоминал. Потом открыл ящик стола и достал сложенный вдвое лист бумаги.

— Что это? — спросила я.

— Письмо. Я написал его сегодня ночью. На случай... — он запнулся. — На случай, если меня не будет рядом.

Холодок пробежал по позвоночнику.

— Эрик, что ты...

— Прочитай. Пожалуйста.

Я развернула лист. Почерк Эрика — твёрдый, с резкими наклонами, как его чертежи. Я читала и чувствовала, как буквы расплываются перед глазами.

«...Ты ворвалась в мою жизнь с камнем в руке и разбила вдребезги всё, что я строил годами...»

«...Если ты читаешь это письмо, значит, я где-то не рядом. Не потому что ушёл — никогда...»

«...Ты сильная. Ты справишься. Только, пожалуйста, не забывай стучать...»

Я дочитала до конца и положила лист на колени. Слёзы текли по щекам — впервые за долгое время. Я не вытирала их. Пусть видит.

— Ты что, прощаешься? — голос дрогнул. — Думаешь, я без тебя справлюсь?

— Думаю, что ты справишься с чем угодно. — Он смотрел на меня серьёзно, без тени иронии. — Но я не планирую исчезать. Это письмо — не прощание. Это... страховка. Я должен был сказать тебе это. А сказать вслух не мог.

— Почему?

— Потому что когда говоришь вслух — это становится реальным. А я до чёртиков боюсь реальности, в которой тебя нет рядом.

Я встала, обошла стол и села к нему на колени. Он обнял меня — крепко, до хруста. Я уткнулась лицом в его плечо и разревелась. По-настоящему, взхлёб, как не плакала с детства. Все эти дни — Прага, взлом, ложь, допрос, Игорь — всё скопилось внутри и теперь рвалось наружу.

— Я боюсь, — прошептала я, давясь слезами. — Боюсь за тебя. Боюсь за нас. Боюсь, что эта война сожрёт всё, что мы построили.

— Не сожрёт. — Он гладил меня по волосам. — Пока мы вместе — не сожрёт. Слышишь?

Я кивнула. Мы сидели так долго — может быть, полчаса, может быть, час. За окном рассвело. Дождь перестал. В кабинете было тихо, только часы на стене отсчитывали секунды.

Наконец я отстранилась и вытерла слёзы рукавом халата.

— Я хочу ответить, — сказала я.

— На письмо?

— Да.

Я взяла со стола ручку, перевернула его письмо и на обороте написала всего три слова:

«Я тоже. Всегда. Лина».

Протянула ему. Он прочитал, и что-то дрогнуло в его лице — что-то тёплое, почти детское. Он снова притянул меня к себе и поцеловал в висок.

— У меня есть ещё кое-что, — сказал он тихо. — Не знаю, как ты отреагируешь. Но я должен спросить.

— Спрашивай.

— Я хочу, чтобы ты поехала со мной. К моей матери.

Я замерла. Елена Всеволодовна. Женщина, о которой Эрик говорил редко и неохотно. Та, что вырастила его после ухода отца и, кажется, не дала ни капли тепла.

— Зачем? — спросила я.

— Потому что она знает Игоря. Знала моего отца. Знала Кристиана. Она была в этой индустрии тридцать лет назад, ещё до того, как ушла на пенсию. И она... она многое скрывает. Я чувствую это.

— Ты хочешь, чтобы я помогла тебе с ней поговорить?

— Нет. — Он покачал головой. — Я хочу, чтобы ты просто была рядом. Я не могу находиться с ней в одной комнате один. Начинаю звереть.

Я сжала его ладонь.

— Поехали. Сегодня?

— Сегодня.

Я встала и пошла одеваться. Письмо я убрала в карман халата — потом переложу в надёжное место. На тумбочку, рядом с м

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.